

О. БРИК*

Брюсов против Ленина (1924)

В ноябре 1905 года в № 12 газеты «Новая жизнь» была помещена статья Ленина «Партийная организация и партийная литература».

Считая, что в условиях достигнутой относительной свободы слова, партийная социал-демократическая литература, бывшая доселе нелегальной, может, хотя бы на 1/10 стать легальной, — Ленин ставит в своей статье вопрос о взаимоотношении этой легальной партийной литературы с партийной организацией.

Положение нелегальной печати было просто. «Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии».

Связь была непосредственная и теснейшая.

При переходе на легальное положение, при массовом росте социал-демократической литературы связь эта ослабевает и возникает опасность отрыва социал-демократического партийного литературного дела от практической и организационной работы партии.

Поэтому Ленин говорит: «литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, “колесиком и винтиком” единого великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса... Для пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела».

Ленин предвидит возраженья и оговаривает: «Спору нет, литературное дело всего меньше поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетари-

* *Осип Максимович (Меерович) Брик* (1888–1945) — русский советский писатель, литературный критик, сценарист, стиховед, один из теоретиков русского авангарда. Один из организаторов ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка). Участник художественных объединений левого искусства (комфуты, МАФ, ЛЕФ, РЕФ).

ата. Все это отнюдь не опровергает того, чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы».

Но «пылкие сторонники свободы» могут не удовлетвориться этой оговоркой и возопят: «Как? Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество... Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютного индивидуального идеального творчества».

На это Ленин отвечает, что, во-первых, «речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю», и если «я обязан тебе представить во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно», то «ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то».

А, во-вторых, «речи об абсолютной свободе — одно лицемерие... Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

«И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу».

Но «пылкие сторонники свободы» остались неудовлетворенными и решили всемерно протестовать против Ленинского понимания действительно свободной литературы. Выразителем этого протеста явился Валерий Брюсов, поместивший в очередном номере (№ 11 за 1905 год) журнала «Весы» ответную статью — «Свобода слова».

Прочитав ленинские слова о подчинении литературного дела партийному контролю, Брюсов восклицает: «Вот, по крайней мере, откровенные признания. Г-ну Ленину нельзя отказать в смелости: он идет до крайних выводов из своей мысли; но меньше всего в его словах истинной любви к свободе».

Брюсов не понимает, почему называет Ленин литературу, «открыто связанную с пролетариатом» — «действительно свободной». Чем она свободней буржуазной?

По Брюсову: «обе литературы не свободны. Одна тайно связана с буржуазией, другая открыто с пролетариатом. Преимущество

второй можно видеть в более откровенном признании своего рабства, а не в большей свободе... Если мы и согласимся, что общепролетарское дело — дело справедливое, а денежный мешок — нечто постыдное, разве это изменит степень зависимости. Раб мудрого Платона все-таки был рабом, а не свободным человеком».

Цензурный устав, вводимый в социал-демократической партии, мало чем отличается от старого царского устава.

«Утверждаются основоположения социал-демократической доктрины, как заповеди, против которых не позволены (членам партии) никакие возражения».

«Есть слова, которые воспрещено говорить. Есть взгляды, высказывать которые воспрещено... Членам соц.-демокр. партии дозволяется лишь критика частных случаев, отдельных сторон доктрины, но они не могут критически относиться к самым устоям доктрины».

«Отсюда», заключает Брюсов, «один шаг до заявления халифа Омара: книги, содержащие то же, что Коран, лишние, содержащие иное, — вредны».

Но какое, казалось бы, дело Брюсову и прочим «пылким сторонникам свободы», какие уставы вводит у себя социал-демократическая партия? Каждый добровольный союз людей в праве устраиваться так, как ему заблагорассудится.

Брюсов и говорит: «разумеется, пока несогласным с такой тиранией представляется возможность перейти в другие партии».

Однако, — и в этом все дело, — «как у каждого солдата в ранце есть маршальский жезл, так каждая политическая партия мечтает стать единственной в стране, отождествить себя с народом. Более, чем другая, надеется на это партия социал-демократическая. Таким образом угроза изгнания из партии является в сущности угрозой извержением из народа».

Может случиться, что пролетариат захватит государственную власть, тогда социал-демократический устав станет уставом всенародным. Надо в предвидении этого «катастрофического» случая заранее обеспечить себе и себе подобным свободу творчества, свободу слова.

«В нашем представлении», указывает Брюсов, «свобода слова неразрывно связана со свободой суждения и с уважением к чужому убеждению». Потому что, — «для нас дороже всего свобода исканий, хотя бы она и привела нас к крушению всех наших верований и идеалов».

Ленин утверждает, что вся буржуазная литература в рабстве у буржуазии. Брюсов протестует:

«По-видимому, г. Ленин судит по тем образчикам писателей — ремесленников, которых, он, быть может, встречал в редакциях

либеральных журналов. Ему должно узнать, что рядом встала целая школа, выросло новое, иное поколение писателей-художников... Для этих писателей — поверьте, г. Ленин, — склад буржуазного общества более ненавистен, чем вам... Всю свою задачу они поставили в том, чтобы и в буржуазном обществе добиться «абсолютной» свободы творчества».

Брюсов подразумевает, по-видимому, писателей символистов и расценивает их, как подлинных борцов за свободу в отличие от Ленина, который намеревается только сменить одну тиранию на другую.

Поэтому, обращаясь к Ленину, Брюсов считает своим долгом заявить:

«Пока вы и ваши идете походом против существующего «неправого» и «некрасивого» строя, мы готовы быть с вами, мы ваши союзники. Но как только вы заносите руку на самую свободу убеждений, так тотчас мы покидаем ваши знамена. «Коран социал-демократии» столь же чужд нам, как и «Коран самодержавия». И поскольку вы требуете веры в готовые формулы, поскольку вы считаете, что истины уже нечего искать, ибо она у вас, — вы — враги прогресса, вы — наши враги».

И добавляет:

«У социал-демократической доктрины нет более опасного врага, как те, которые восстают против столь любезной ей идеи «архе». Вот почему мы, искатели абсолютной свободы считаемся у социал-демократов такими же врагами, как буржуазия. И, конечно, если бы осуществилась жизнь социального, внеклассового, будто бы истинно «свободного» общества, мы оказались бы в ней такими же отверженцами, каковы мы в обществе буржуазном».

История переубедила Брюсова. Октябрьский переворот, тот самый, которого с таким ужасом ждали «пылкие сторонники свободы», увлек его в ряды Ленинской партии. Брюсов понял, почему Ленин называл открытую связь с пролетариатом подлинной свободой. Он честно признался в своих ошибках 1905 года.

Но мысли, высказанные тогда Брюсовым, не умерли. Они живы. До сих пор еще. В Советской России. И наряду с другими микробами буржуазного индивидуализма — заражают мозги даже молодых пролетарских литераторов.

Начинаются мечты о «свободе творчества». Отсюда культ Есенина. Пусть «свобода в кабаке», хулиганская свобода, пусть свобода добровольной смерти, — все равно, — какая ни на есть, — а «свобода».

Это большая опасность. О ней стоит поговорить всерьез.

Нельзя отмахнуться: — «буржуазный пережиток». Да, — буржуазный пережиток. Но чем объяснить, что этот буржуазный

пережиток оказался таким живучим, таким активным, что даже белую горячку сумел возвести в символ вожделенной свободы.

Причин две. Первая, основная — это общие условия нашего на 90% мелкобуржуазного мещанского бытия.

Ленин это обстоятельство учел: «мы не скажем, разумеется о том, чтобы преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями... Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача».

Задача трудная. Сразу дело не делается. Этим объясняется, почему буржуазный пережиток еще не изжит. — Но если еще не изжит, — значит изживается, постепенно отмирает? — Нет. — Иногда укрепляется, а кой-где и усиливается. Следовательно, есть еще какая-то причина, помимо инерции нашего мелкобуржуазного бытия, затрудняющая борьбу с этим буржуазным пережитком.

Причина эта — неумелость, так часто характеризующая у нас организацию пролетарского литературного дела. Нередко делается, как раз то, чего делать с литературой нельзя, — то, что Ленин счел нужным специально оговорить.

У нас встречаются и «механическое равнение, и нивелирование, и стеснение личной инициативы, и схематизм, и шаблонное отождествление», и безусловная вера во всемогущество циркуляров и постановлений.

Вот почему не только пресловутое «возрождение» буржуазной литературы, но и наша собственная вина порождают упадочные мечтания о свободе слова, о творческой инициативе и грустные размышления о «рабе мудрого Платона».

Даже в пролетарской литературной среде («Перевал») воскресают разговорчики Брюсова 1905 года; не добитый буржуазный пережиток оживает и грозит разрушить начатое строительство подлинно свободной пролетарской литературы.